

И.Г.Назарова, С.В.Станевич

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ

Статья посвящена истории развития европейской медицинской терминологии в XIX веке. Авторы оценивают особую роль профессионального языка медиков в жизни общества, его воздействие на общественное сознание и обосновывают специальное медицинское значение общекультурного греко-римского основания европейской цивилизации. Указаны некоторые распространённые способы образования терминов-неологизмов в ту эпоху (заимствования, метафорический перенос, сложение морфем) и источники словообразования, поставившие строительный материал, в основном, греко-латинского происхождения. Эти способы проиллюстрированы примерами, в основном, взятыми из клинической терминологии. Авторы подчеркивают роль практикующих врачей в деле создания новых слов-терминов, обозначающих доселе неописанные явления в медицине, не только в области патологий, но и анатомических образований, и диагностического инструментария.

Ключевые слова: медицинская терминология, греко-латинская терминология, словообразование, термин-неологизм, практикующий врач

Язык медицинской науки исторически проходил разные фазы развития. По сути, мы имеем дело с несколькими языками одной и той области человеческой деятельности. Изучая язык медицины, мы можем опираться на письменные источники. Впервые в истории человечества медицинское знание было записано древними греками. Корпус текстов Гипократа (430—330 до н.э.) был переведён с греческого языка на арабский, сирийский, древнееврейский и латинский языки в Средние века. Тогда же был переведён с греческого и Гален. Эти переводы спасли древнегреческую медицину от забвения. Но перевод терминов на национальные языки представлял затруднения в силу разной природы сопоставляемых языков и отсутствия наименования с подобным же значением в языке перевода, а порой даже и само понятие отсутствовало. Поэтому латынь стала примиряющим и объединяющим языком учёных всех стран поверх национальных барьеров. Правда, не навсегда. В Новое время развитие национальной науки и культуры потребовало и своего адекватного выражения на родном языке. Всё, однако, протекало не так гладко, и национальным языкам пришлось выдержать целую битву за равноправие с учёной латынью и признание как среди теоретиков, так и практиков медицинской науки.

Создание особого профессионального подязыка медицины осложнялось ещё и тем, что медицина всегда существовала на стыке многих дисциплин, в том числе и гуманитарных, являясь не только наукой, но и высоким искусством. Речь врача являлась не только средством коммуникации, но и его инструментом воздействия, влияния на пациентов, выполняя тем самым напрямую терапевтическую функцию. Действительно, от него ждали советов самого разнообразного свойства. Он должен был лечить не только тело, но и душу. Он утешал, ободрял и вдохновлял на борьбу за существование, учил, как жить, что есть, как одеваться, объяснял тайные знаки созвездий, магические свойства всех вещей в мире. Всё это отражалось в его речи, формировало язык медицины в целом. Профессиональный язык медицинской науки и общий язык с его образностью не полярны, в них много взаимовлияний и взаимопроникновений. Названия растений, болезней и частей человеческого тела составили основной корпус медицинской лексики, и, конечно, интеллектуальные усилия учёных-первооткрывателей и их переводчиков на другие языки, усилия по поиску адекватных языковых средств выражения, были огромны. Терминологический поиск продолжался беспрерывно.

Источники пополнения терминологических наименований разнообразны. Разные исторические эпохи предпочитают свои собственные пути словотворчества. В этой статье мы рассмотрим некоторые из них на примерах.

1) Заимствования слов из других сфер языка, общелитературной, специальной научной или профессиональной, так называемая метафорическая замена.

Обычно это происходило путем переосмысления привычного значения общего слова или специального термина. Часто так образовывались «народные» названия заболеваний, патологических состояний. Некоторые такие «народные» названия обязаны своим появлением ассоциации, звукоподражанию. Например, так образовано название *круп, крупозная пневмония*. Происходит оно от слова *сгорт*. В английскую номенклатуру болезней XVIII века оно пришло из шотландского диалекта, где соответствующий глагол означает *каркать, хрипеть*. Похожее английское слово *goat* обозначает катаральное воспаление глаз и носовых ходов у домашней птицы. Круп стал обозначать заболевание, чьим характерным симптомом являлся хриплый кашель. Впервые этот термин был использован в 1718 году неким шотландским доктором, который, описывая неизвестное ему доселе заболевание, обозначил его местным названием [1]. Это провинциальное название и закрепилось в английской нозологии. Такие спонтанно образованные термины, так сказать, из гущи народной жизни, называются окказионализмами, или жаргонизмами. Иногда они переходят в разряд «настоящих» профессиональных терминов, терминологизируются, иногда нет. В случае с названием *круп* этот переход

произошёл. Правда, со временем термин стал старомодным и вышел из употребления. Ему на замену пришёл термин, образованный с помощью другого способа, называемого сложением морфем.

2) Сложение морфем, заимствованных из классических языков древности, латинского и греческого. Складывались также и разноязыкие морфемы, латинская и греческая, или морфема латинского или греческого происхождения и национальная, из родного языка.

Этот способ создания термина можно проследить на примере названия такого заболевания как *дифтерия* (именно это название постепенно заменило слово *круп*). Это французское слово греческого происхождения — неологизм XIX века. Извилистый процесс словотворчества учёных медиков, приведший к данному конструкту, описан в статье William Sykes [2]. В 1821 г., во Франции, во время обсуждения Королевской Академией Медицины некоего заболевания с признаками *флегмазии* (*phlegmasia* — циркуляторная венозная гангрена), именуемого по-разному — то *крупозное воспаление*, то *гнилая (злокачественная) жаба*, — врач по имени Brettoneau предложил обозначать эту патологию как *дифтерит* — *diphtherite*. Термин образован сочетанием двух терминоэлементов (словообразовательных морфем), первый из которых, греческий корень, обозначает *белую плёнку или кожуцу* (*diphtherion*), а второй — *itis* является латинским суффиксом, обозначающим *воспаление*. От этого существительного было образовано и прилагательное, также с этим суффиксом — *diphtheritique*. В английскую медицинскую литературу перешли прямые заимствования — *diphtheritis*, *diphtheritic*, хотя они и не были в то время общеприняты, и их употребление сопровождалось ссылками на французское происхождение. Однако в 1855 г. Бреттоно изменил свой термин на *diphthérie* — *дифтерия*. Причиной этому было осознание неправильности внутренней формы термина, образованного по типу таких терминов как *бронхит*, *гастрит* и т.п. В терминах подобной структуры латинский суффикс воспаления — *itis* присоединяется к основе, обозначающей *орган* или *часть тела*. В данном же случае он был некорректно присоединён к основе, обозначающей патологический признак — *беловатую плёнку*. Поэтому название было изменено таким образом, чтобы обозначать не воспалительный процесс, а общепатологическое состояние с характерным признаком. Это было сделано с помощью греческого суффикса-окончания — *ia* (во французском варианте — *ie*). Соответственно изменилось и прилагательное на *diphthérique*.

В 1857 г. в Англии разразилась эпидемия этой болезни, занесённая из Франции. Вместе с ней появилось и новое её название *diphthérie*, на английский лад трансформированное в *diphtheria*. Это название прижилось и стало популярным. Следовало бы измениться и прилагательному на *diphtheric*, но этого не произошло. Прилагательное сохранило суффикс *воспаления* — *diphtheritic*, хотя со временем добавились и другие варианты — *diphtherial*, *diphtherian*.

В немецком медицинском языке эта болезнь сохраняет греческое написание и название *Diphtherie*, хотя есть и чисто немецкое название — *brandigeBräune*, *brandigeHalsbräune* (гангренозный круп или гангренозная ангина).

Удачным примером сложения классических морфем служит и всем известное название стетоскопа. Его (инструмент и название) изобрёл французский врач Рене Лаэннек в 1816 году. Сначала инструмент назывался *цилиндр* — *les cylindre*, так как Лаэннек просто свернул в трубку лист бумаги, чтобы лучше слышать звуки сердца своей пациентки. Это было вызвано для него необходимостью, так как дама была тучная и жировая прослойка не давала врачу хорошо прослушать её сердцебиение. Но впоследствии Лаэннек придумал для своего изобретения греческое название, в котором первая морфема *stetho-* обозначает *грудную клетку*, в вторая — *scopus* буквально значит *осматриватель*. Это удобное название и было заимствовано в другие языки. В английском — *stethoscope*.

Кстати, неологизмы учёных медиков по своей структуре тяготели к поликомпонентности, в отличие от «народных» названий или терминов, исторически более ранних. Усложнение человеческой мысли с ходом исторического времени требовало и усложнения названий.

Вышеописанный случай с названием *дифтерия*, пришедшим на смену названию *круп* — это пример удачного замещения народного названия названием искусственным, сконструированным по греко-латинским лекалам. Однако не всегда народное название легко сдавало свои позиции. Возьмём, к примеру, название *measles* — *корь*. Его учёные попытались заменить на *morbilli* (от латинского *morbus* — *болезнь*) или *rubeola* (от латинского *rubber* — *красный*). Хотя эти названия существуют, но *measles* осталось в английском языке более популярным. Происхождение слова объясняют по-разному, одни выводят его от латинского прилагательного *miser* — *жалкий*, другие видят связь с латинским словом того же корня *miselli*, которое означает *прокажённые*. В тоже время староанглийское слово *mesel* может означать и *прокажённого*, и просто *бродягу, изгоя*. Другие исследователи видят связь с голландским *masel-sucht*, буквально обозначающим *маленькие пятна*, т.е. *сыпь* (признак кори). В немецком языке наиболее употребительное слово для обозначения кори — *Masern* (перевести довольно сложно дословно, это нечто «узорчатое»), хотя есть и немецкое — *Rotsucht* или *Roteln* (краснуха) и *Flecken* (пятна), а также общеевропейское латинское *Morbilli*. Так как в языках множество связей, то можно пойти ещё дальше и привести слово с санскрита *masura*, также обозначающим *пятна*.

Обычно исследователи изобретали названия для болезней ранее неописанных в литературе, и для этого использовали греко-латинские корни и аффиксы. Например, общеизвестное слово *бронхит* — *bronchitis*. В 1810 году его представил англичанин Badham, а в 1812 — немец J.P.Frank. До этого времени малоизученное заболевание называлось латинским *peripneumonia* — *ложная перипневмония*. Легко видеть, насколько

новое название более точно и понятно. Именно поэтому оно и стало в свою очередь общепризнанным и народным.

Другие изобретённые названия никогда и не имели соответствия в общем языке в силу своей относительной редкости. Например, *aphasia* — *афазия* обозначает утрату речи, и именно такое значение и прочитывается из составляющих слово греческих терминологических элементов. В живом процессе словотворчества принимали участие учёные разных национальностей, и мнения сталкивались между собой, всё для того, чтобы в результате был выбран лучший термин. То же патологическое состояние предлагали назвать *alalia* (Lordat в 1841 г.) и *aphemia* (Broca в 1861 г.). В борьбе мнений остановились на *aphasia*, поддержанным такими авторитетами как Littré, Briaud, Trousdale. А термин *алалия* был предложен для обозначения *заикания* немцем Kussmaul. Однако немецкий медицинский словарь предлагает помимо афазии еще *Alogie* и *Stummheit* (букв. немота).

Бывало, что и вполне разумные улучшения устоявшихся терминов не принимались языком. *Fiebrityphoid* — *брюшной тиф* — термин, предложенный Louis в 1829 году. Буквально он означает тифозную лихорадку, если перевести с латинского *febristypnoidea*. В Англии он начал использоваться с 1851 года. Из-за неточности термина доктор Murchison предложил другой вариант названия — *typhogenic*, в котором первая основа обозначает *грязь, антисанитарию*, в суффикс имеет значение *порождённый*. Таким образом, получается *болезнь, вызванная грязью*. Это понятно, если мы вспомним, что тиф считался болезнью тюрем, больниц и армий, он так и назывался в 15-16 веках в Англии — *gaolfever* *тюремная лихорадка*. Термин был отвергнут. Доктор Wilks предложил свой вариант — *entericfever* (*кишечная лихорадка*) или просто *enterica*. Этот термин имел большой успех. Но и по сей день, термин *typhoid* более употребителен в значении *брюшной тиф*, т.е. заболевание, вызываемое тифозной бациллой (*bacillustypus*). В современном немецком языке сохранилось греческое название *Typhus*, к которому присоединяются немецкие уточняющие термины, но не в качестве прилагательных, а в виде сложных существительных — *Bauchtyphus* или *Unterleibtyphus*, что является более характерным для немецкого языка.

Можно сделать вывод, что язык принимает и усваивает те термины, которые наиболее согласны с его строем, не противоречат его природе. Чем ближе к Новейшему времени, тем более упорно национальный язык отвергает попытки искусственной неуместной латинизации. Если имеется синонимический ряд, то в языке остаётся в наибольшем употреблении самый адекватный точный и понятный большинству населения вариант. Синонимия с необходимостью связана с ранними этапами развития медицины. Национальный язык не мог обеспечить необходимую точность в наименовании. Источниками синонимии часто являлись грецизмы и латинизмы. Наряду с национальными языковыми средствами выражения они вели к сосуществованию заимствованного слова и исконного. Последнее явление (параллелизм родного языка названия и заимствованного или созданного классического, греко-латинского) вообще самый частый тип синонимии в медицинской терминологии, наряду с синонимией греческого и латинского названий. Впрочем, в последнем случае синонимы обычно сосуществуют в различных, хотя и смежных, сферах, например, латинский синоним используется в анатомии, а греческий — в клинике. Это характерное явление касается в особенности названий частей и органов человеческого тела и называется греко-латинскими дублетами. Их примеры можно видеть в таблицах замечательных учебников по латинской медицинской терминологии М.Н.Чернявского.

Характерные особенности греко-латинских заимствований и новообразований — неизменное, строго определённое значение, стилистическая нейтральность, узнаваемость в других языках, т.е. интернациональность термина, лаконичность и практичность в построении и применении. Именно поэтому существует параллелизм терминологий. Национальная терминология в большинстве случаев не обладает вышеперечисленными особенностями греко-латинских терминов. Слишком много коннотаций может примешиваться в национальные термины, в то время как специально созданные греко-латинские термины заточены на выражение одного определенного понятия, причем выражение максимальное и с помощью минимальных средств. Такой параллелизм, или синонимию, латинского и национального удобнее всего видеть на примере анатомической науки. Достаточно открыть учебник по анатомии, например анатомический атлас Привеса, и вы оцените разницу терминологий.

Анатомическая терминология, так же как и клиническая, в XIX веке переживала бурное развитие. Один из самых значительных вкладов в создание терминов внёс доктор Барклей (Barclay), преподаватель анатомии в Эдинбурге. В 1803 году он опубликовал свою анатомическую номенклатуру, часть которой была безоговорочно принята медиками и употребляется до сих пор. Особенно это касается прилагательных, таких как *mesial*, *dextral*, *sinistral*, *lateral*, *peripheral*, *central*, *proximal*, *distal*, всего около 25 новых прилагательных. Его нововведения в части наречий оказались нежизнеспособны, так как очевидно пришли в несоответствие со строем английского языка: *laterad*, *dextrad*, *sinistrad* и т.п. Упорядочение анатомических названий было более чем своевременной мерой, многие врачи, особенно провинциальные, испытывали явные сложности с анатомической терминологией. Собственно говоря, ситуацию можно было охарактеризовать как «кто во что горазд». Например, в романе викторианской писательницы Джордж Элиот об одном из персонажей, враче, сказано: «мистер Гэмбит и впрямь не отличался образованностью, ...впрочем, он был неплохим акушером, хотя именовал пищеварительную систему «нутром».

Таким образом, в Новое время мы видим бурное развитие медицинской терминологии, которое происходит не спонтанно, но осознанно и целенаправленно, благодаря усилиям учёных, зачастую являющихся

при этом и практикующими врачами. И это развитие происходит в основном на базе греко-латинской классической терминологии.

References

1. Digby Anne. Making a Medical Living: Doctors and Patients in the English Market for Medicine, 1720—1911. New York, Cambridge Univ. Press, 1994. 348 p.
2. Sykes William. On the Origin and History of some Disease Names. Scientific American Supplement, 1897, February 13, no. 1102, p. 17606.

Nazarova I.G., Stanevich S.V. From the History of European Medical Terminology of the New Time: Terminological Neologisms. The article is devoted to the history of medical terminology development in the 19th century. The authors appreciate the special role of medical professional language in the life of society, its influence on the minds of public, and justify the special medical significance of the general cultural Greek-Roman foundation of European civilization. Certain common sources of material for constructing words, usually of ancient Greek and Latin origin, and ways of forming new terms (such as borrowing, metaphorical transfer, addition of morphemes) were pointed out and supplied with illustrating examples, mainly taken from clinical terminology. The authors emphasize the role of medical practitioners in creating new words denoting phenomena, hitherto undescribed in medicine, not only in the field of pathologies, but also anatomical structures, and diagnostic tools..

Keywords: medical terminology, Greek and Latin terminology, word-formation, term-neologism, medical practitioner.

Сведения об авторах. Ирина Геворковна Назарова — НовГУ, отделение филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, кафедра романских и германских языков, кандидат филологических наук, доцент, vanagoza@mail.ru; Светлана Владиславовна Станевич — НовГУ, отделение филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, кафедра английского языка, кандидат филологических наук, доцент, svetl.semyonova2013@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2019. Принята к публикации 30.05.2019.